

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФУНКЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД

© 2011 Д.М. Кузнецов

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 06.12.2010

Статья посвящена проблеме социальных и культурных функций исторической науки, рассмотренных с позиции нарративной философии истории и семиотики. Исторический нарратив рассматривается как «вторичная моделирующая система» по отношению к нарративам повседневной жизни. Ключевые слова: социальные и культурные функции исторической науки, нарративная философия истории, семиотика, нарративная субстанция.

В данной статье будет рассматриваться проблема социокультурных функций исторической науки с точки зрения нарративной философии истории. Проблема функций историографии в культуре имеет достаточно долгую историю, однако нельзя сказать, что она является проясненной до конца. От античности и до настоящего времени знание о прошлом рассматривалось как релевантное для понимания настоящего (и часто для прогнозирования будущего) в силу определенной связи между прошлым и настоящим. Это могла быть идея исторической закономерности (античные концепции круговорота, божественное предопределение истории, законы развития абсолютного духа, имманентные социологические закономерности), постоянства человеческой природы (изучая людей в прошлом, мы понимаем, как они вообще). В настоящее время само развитие исторической науки поставило под сомнение возможность подобного рассмотрения, скорее общим местом стали неповторимость каждой эпохи и неприменимость выводов, основанных на одном временном периоде, к другому¹. Поэтому расхожие фразы, которыми объясняют место исторической науки в культуре, такие как «история – это самосознание общества»², витают в воздухе, ибо без понимания конкретных механизмов данного самосознания лишаются смысла. К тому же многие современные исследователи данной проблемы говорят о функциях исторического сознания вообще, не делая различия между ним и научной историографией как его особой и совершенно специфической частью³. В данной статье мы будем рассматривать только историографию как имеющую определенные формальные признаки, главный из которых – использование истинных, и только истинных еди-

ничных фактических утверждений о прошлом (истинность здесь понимается в процедурном смысле – т.е. утверждение, полученное в соответствии с принятыми в данном научном сообществе критическими процедурами). Рассмотрение идеологий, исторических мифов и исторической памяти выходит за эти рамки. Мы попытаемся показать, что анализ социальной и культурной роли историографии с позиции нарративной философии истории поможет углубить понимание этого вопроса, выявив основания расхожего понимания историографии как «наставница жизни», ее связи с политикой и моралью.

Основное положение нарративной философии истории, выдвинутое сначала Х. Уайтом в работе «Метаистория», а затем Ф.Р. Анкерсмитом в работах «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков» – реконструкция прошлого всегда опосредована нарративными структурами. «Обладать знанием прошлого значит обладать им в том виде, как оно выражено в нарративном языке»⁴, – пишет Ф.Р. Анкерсмит. На уровне логического анализа исторического текста Анкерсмит выделяет так называемые единичные фактические утверждения о прошлом, а также «нарративные субстанции» (сокращение Анкерсмита - Nss). Только единичные фактические суждения о прошлом поддаются проверке на истинность или ложность. Нарративные же субстанции являются «точками зрения» на прошлое, способами его концептуализации⁵. Поэтому, если мы хотим ответить на вопрос о социокультурных функциях историографии, мы должны обязательно учитывать ее нарративную природу и тот режим работы с истиной, который она подразумевает. Для этого, на наш взгляд, будет продуктивно сравнить исторический нарратив с классическим объектом нарратологии – нарративом литературным, которой сходен с историческим во всем, кроме одного – необходимости использовать истинностные фактические утверждения.

*Кузнецов Дмитрий Михайлович, аспирант кафедры философии гуманитарных факультетов.
E-mail: esdur@rambler.ru*

Литературные нарративы довольно хорошо изучены во многих аспектах, в том числе в «культурно-прагматическом» – вопросом о социально-культурной функции искусства серьезно занимался еще Аристотель. Не вдаваясь в историю эстетических учений, обратимся к более современным концепциям понимания прагматики нарратива, в частности – к структурно-семиотической. С точки зрения семиотики, художественная литература, как пишет Ю.М. Лотман, является «вторичной моделирующей системой»⁶ по отношению к естественному языку. Это означает, как разъясняет В.П. Руднев, что она моделирует и совершенствует речевую деятельность, свойственную «той национальной языковой культуре, которой принадлежит автор; она является рефлексией над этой языковой культурой и обогащением ее»⁷, а вовсе не отражает внеязыковую реальность (как утверждала, в частности, реалистическая критика). Заметим, что историография, как и художественная литература, использует естественный язык. Однако литературные достоинства историографического текста сами по себе не влияют на его научный статус (исторические работы прежде всего оценивают за то, как они репрезентируют прошлое, и только потом – каким литературным языком они написаны). Косвенно подтверждающей этот факт является хорошая «переводимость» исторического сочинения на разные языки, а также возможность реферативного изложения (что невозможно в случае художественной литературы – можно изложить сюжет, но изложить художественный стиль нельзя, его можно только продемонстрировать). Конечно, исторические работы могут быть и очень хорошей прозой, но это не более чем дополнительное преимущество.

На наш взгляд, исторический нарратив можно рассматривать как «вторичную моделирующую систему» по отношению к нашей «нарративной способности» как таковой, к возможности строить нарративные субстанции. Как мы отмечали выше, согласно Анкерсмицу, нарративные субстанции организуют фактические суждения особым образом, формируя нашу «точку зрения» на реальность (простейшим примером чего является метафора), тем самым делая возможным отбор фактов и связный рассказ о происходящем. Эта способность проявляется далеко не только в истории. Основной сферой бытования таких нарративных субстанций является сфера так называемого «обыденного мышления», используемого нами в повседневной жизни для рассказа о событиях, которые происходят с нами и нашим окружением. Многие историки отмечали, что их способ объяснять события не отличается от того, каким пользуется любой человек,

когда рассказывает о чем-либо. «Способ рассуждения, применяемый при объяснении причин Французской революции, логически не отличается от того, с помощью которого человек с улицы объясняет причины дорожного происшествия или результаты выборов. В основе своей это тот же самый интеллектуальный прием, лишь утонченный, улучшенный с учетом дополнительных факторов», – пишет А. Про⁸.

В частности, важнейшей областью применения нарративного мышления выступает понимание нами самих себя и конструирование нашего Я в создании нарратива о своей собственной жизни. Можно согласиться с Ханной Арендт, которая подразделяла возможные описания человека как ответы на вопрос «что ты есть?» и на вопрос «кто ты?», при том, что «кто есть или был человек, мы можем узнать, только выслушивая историю, где герой он сам, т. е. его биографию; все, что сверх того, мы можем знать о нем и его авторских работах, способно в лучшем случае подсказать нам, *что* он есть или был»⁹. Анкерсмит считает, что нарратив о самом себе, который мы строим в течение собственной жизни, «составляет необходимое условие для самой нашей способности распознавать другие Nss, а потому и для нарративного написания истории»¹⁰. Отметим, что в данном случае нарративная философия истории продолжает дильтеевско-хайдеггеровскую традицию осмысления исторической науки как зависящей от историчности человеческого существования. Однако понимание историчности человека как в основе своей нарративного феномена позволяет объяснить, каким образом внутренняя историчность человека связана с исторической наукой как культурным феноменом, также использующим нарративы.

Зададимся вопросом, в чем разница между этими типами нарративных субстанций? На наш взгляд, помимо предмета, разница только в том, что нарративные субстанции историографии, в отличие от нарративных субстанций «повседневности» имеют намного более сложную структуру, поскольку связывают воедино намного большее количество фактов, и что, самое главное, все эти факты должны выдержать проверку на истинность. Именно истинные факты о прошлом побуждают наши нарративные субстанции изменяться и усложняться – они просто не укладываются в существующие нарративы. В истории исторической науки неоднократно можно наблюдать, как она меняла наше представление о том, что «обычно делают люди», и то, что полагалось «естественным» для человека, становилось только принадлежностью нашей исторической эпохи. Развитие историографии – постоянное усложнение нарративных субстанций,

включение в них новых и новых фактов и их непрерывное изменение вследствие этого (остановить этот процесс может только жесткая идеологическая диктатура – приказ придерживаться только одного метанарратива и подгонять под него любые новые факты). Если мы обратимся к научному историографическому процессу, и прежде всего к дискуссиям, мы увидим, что споры по поводу фактов в исторической науке ведутся только тогда, когда их трудно бывает однозначно установить. Эти споры могут быть разрешены – по крайней мере теоретически. Большинство же дискуссий ведется по поводу того, как мы должны организовать факты, какую нарративную субстанцию использовать. Данные дискуссии (можно ли говорить об особом «китайском ренессансе»? были ли события октября 1917 года «революцией» или «переворотом»? можно ли назвать общественный строй Средневековой Руси «феодальным» и т.д.), как правило, носят бесконечный характер, но в их процессе происходит усложнение существующих и создание новых нарративных субстанций, в чем и заключается их продуктивность.

Поэтому нам представляется, что историографию можно рассматривать как вторичную моделирующую систему по отношению к нарративным субстанциям. Один из путей создания новых нарративных субстанций – использовать новые, еще не обернутые в нарративные субстанции факты. Прошлое – то место, откуда мы можем их взять. Работая с этими фактами, историография вынуждена создавать нарративные субстанции достаточно большой сложности, так как факты прошлого с трудом «укладываются» в наши обычные, нарративные субстанции (попытка объяснить политическую жизнь древних Афин при помощи тех же нарративных субстанций, которые мы используем при объяснении политической жизни в России XXI века, обречена на неудачу, если мы не закрываем глаза на факты). Эти сложные нарративные субстанции становятся своеобразным «резервом» для нашей способности осмыслять реальность – прежде всего окружающий нас современный мир, когда он начинает меняться и не укладывается в привычные для нас способы понимания.

Главным образом речь идет о понимании и конструировании самого себя в процессе изменения, выхода за пределы традиционной жизненной колеи – с одной стороны, и понимании общества, что напрямую связано с проблемами целеполагания, морального и политического действия – с другой. Подобная точка зрения на нарративность довольно распространена в современной моральной философии. В частности, А. Макинтайр видит основание моральной фило-

софии в нарративной природе понимания человеком собственной жизни в связи с жизнью сообществ, к которым он принадлежит. Он считает, что просто «не существует другого способа приобретения понимания любого общества, включая наше собственное, кроме освоения множества историй, которые составляют исходный драматический ресурс общества»¹¹. Этот «драматический ресурс» и есть запас нарративных субстанций, который пополняется благодаря исторической науке. Потребность в осознании себя особенно возрастает в случае быстрого изменения социальных условий. Травматическое переживание отсутствия мира, еще недавно бывшего привычным, лежит в основе того, что Анкерсмит называет «историческим опытом», в ответ на который человек должен создать новый нарратив о самом себе и своей эпохе, включающий и объясняющий это отсутствие. В создании этого нарратива он опять-таки может опереться на историографические нарративные субстанции. В этом смысле можно предположить, что историческое сознание как бы двухступенчато – создавая сложные нарративные субстанции об отдаленных от нас участках прошлого, мы можем потом применить эти субстанции при осмыслении нашего травматического опыта, связанного с ближайшим прошедшим. Подтверждением этой гипотезы может служить само возникновение профессиональной исторической науки в XIX веке, совпавшее с величайшим переворотом в жизни человечества – индустриальной революцией.

Важную роль возможность построения нетривиальных нарративных субстанций, как считает Анкерсмит, играет в политике. Согласно его теории репрезентативной демократии, процесс репрезентации политического сообщества в парламентских институтах, выстраивание политического компромисса в парламентской работе в основе своей не отличаются от репрезентации эстетической или историографической, и оцениваться она может по тем же самым критериям. Поэтому «политик должен обладать эстетическим в своей основе талантом репрезентации политической реальности в новом, по возможности оригинальном ключе»¹². Естественно, что историография, работая с репрезентацией сложной исторической реальности, может оказаться своего рода «тренировочным полем» для репрезентации сложной политической реальности. Это не значит, что знание и понимание политической ситуации прошлого переносятся в настоящее – это невозможно, решение принимается всегда только исходя из конкретных уникальных обстоятельств. Но обращение к историографии, оперирующей сложными нарративными субстанциями, увязывающими огромное количество раз-

розненных фактов в единое целое, делает политика чутким к увязыванию огромного количества интересов и выработке единого вектора развития общества. Чем больше таких противоречивых интересов, тем в большей степени развитой «нарративной способностью» должен обладать политик, и историография предоставляет здесь превосходную возможность выйти за пределы привычных нарративов настоящего и усовершенствовать себя.

Достоинством данной концепции является возможность построить модель функционирования историографии в культуре, не обращаясь к проблеме исторических закономерностей и возможности истории как номотетического знания. Учитывая факт нарративной природы историографии, данная концепция объясняет, в каком именно смысле историография является «наставницей жизни». Ее можно назвать «формальной» концепцией – ибо она делает акцент на роли нарративной формы исторического знания, а не его содержания. Незнание о прошлом помогает нам действовать в настоящем – мы не можем, к примеру, принимать решение «по аналогии» с прошлым, ибо это всегда потребует введения стольких уточнений, что любая аналогия станет бессмысленной, но сама форма, в которой это знание существует, делает нас чуткими к различиям и дает нам возможность синтезировать их в осмысленное целое. Переходя на эмпирический уровень, в частности, в исследовании истории исторической науки и ее связи с социальной и культурной историей, данная концепция позволяет выработать достаточно четкие критерии (сложность нарративной субстанции), позволяющие оценить уровень развития историографии.

Критика данной концепции может вестись по двум направлениям. Во-первых, почему мы не можем обойтись нарративными субстанциями, образующимися в современности, для чего необходимо использовать истинные факты именно о прошлом (часто очень отдаленном), разве мы не можем просто «изобрести» сложные нарративы, используя все изобилие фактов ближайшего прошлого; и, во-вторых, почему нарративные субстанции обязательно должны усложняться при встрече с новыми фактами, ведь чисто логически можно использовать одну и ту же нарративную субстанцию снова и снова, подгоняя факты под уже существующие «точки зрения» (она не обязательно даже должна быть сколь угодно сложной – любая из существующих теорий заговора может в свою довольно простую схему вместить практически любые факты).

Отвечая на первый вопрос, вспомним, что то, что мы говорили в начале о разделении единичных фактических утверждений и нарративных

субстанций, является чисто логической процедурой. В реальной практике они всегда появляются одновременно. Не может быть фактов, не включенных ни в какую нарративную субстанцию, это позитивистская иллюзия. Особенно это касается современности. Наш «жизненный мир», как показали Гуссерль и Шютц, очень плотно заполнен объяснениями, и, как правило, они не проблематизируются. Проблематизация происходит, как мы уже отмечали, только в революционные эпохи, в момент резкого изменения социального мира (как можно показать, именно в эти эпохи обостряется интерес к построению исторических нарративов). Исторический же мир, отстоящий от нас на достаточное временное расстояние, более «разряжен», фрагментарен, поэтому мы считаем вероятность создания новой нарративной схемы выше.

Второй вопрос представляет для нарративной философии истории довольно серьезную проблему. Оставаясь в рамках анализа отдельного нарратива, она не может адекватно объяснить, как соотносятся нарративные структуры исторического повествования с ненарративными элементами – отсылающими к вненарративной реальности фактическими утверждениями. Для этого необходимо рассмотреть историографию в целом как практику создания нарративов. Анкерсмит справедливо отмечал, что мы можем говорить о качестве нарратива, только сравнивая его с другими нарративами. Однако его критерий качества как «максимизации области нарратива»¹³ – то есть возможность обозреть с точки зрения данной нарративной субстанции как можно большее число фактов, как критерий качества нарратива, на наш взгляд, необходимо дополнить критерием возрастания информации как следствие структурной сложности нарратива, разработанный Лотманом применительно к литературному нарративу. Если мы будем руководствоваться только первым критерием, то мы не сможем исключить «подгонку» фактов под нарратив, возможную, к примеру, там, где существует монополия на производство исторического нарратива (идеологическая диктатура государства или Церкви).

Таким образом, мы делаем вывод, что функция историографии в культуре – создание своего рода «запаса» нарративных субстанций для последующего возможного использования их в осознании нами современности и своего места в ней, конструирования нарратива своей собственной жизни. Другая важнейшая функция историографии – быть тренировочным полем для политики, но не в том смысле, что события прошлого подсказывают нам, как поступать в настоящем, а в том, что способности репрезентации, применяемые в историографии и политике, в основе

своей одни и те же. Развитие историографии в целом, появление новых типов нарративных субстанций при таком ее понимании, становится отчасти сходным с развитием литературных жанров. Оценка «прогресса» историографических нарративов может проводиться по критериям, выдвинутым Лотманом для оценки произведений искусства (прежде всего художественной литературы) как возрастания сложности и упорядоченности информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подробнее об этом: *Кузнецов Д.М.* Проблема социокультурных функций научной истории в социальной философии второй половины XX века // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2009. №7 (73).
- ² См. к примеру: *Астахов М.В.* Основные понятия исторической науки: системно-аналитический подход. Электронная публикация / СЦАИ - Сайт "Самарский Центр аналитической истории и исторической информатики". Дата публикации 13.03.2010. 6 с. URL: http://www.scahi.ru/viewpage.php?page_id=64 (дата обращения 15.10.2010)

- ³ См. *Савельева И.М., Поletaев А.Ф.* Функции истории. М., 2003. С.33-40; *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С.86-99; *Tyrell Ian.* Historians in public: the practice of American history, 1890-1970. The University of Chicago Press, Chicago, 2005. P.180-205; *Southgate Beverley C.* What is history for? N.-Y., 2006.
- ⁴ *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С.34.
- ⁵ См. Там же. С.128-173.
- ⁶ См.: *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
- ⁷ *Руднев В.П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М., 2000. С.52.
- ⁸ *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С.161.
- ⁹ См.: *Арендт Х.* Vita Activa или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С.246.
- ¹⁰ *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С.265.
- ¹¹ См.: *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000. С.292.
- ¹² *Анкерсмит Ф.Р.* Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004, №2. Дата публикации 06.12.2010. URL: // <http://magazines.russ.ru/logos/2004/2/anker2.html> (дата обращения 06.12.2010)
- ¹³ *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С.335.

THE PROBLEM OF SOCIAL AND CULTURAL FUNCTIONS OF HISTORICAL SCIENCE: THE NARRATIVE APPROACH

© 2011 D.M. Kuznetsov

Samara State University

The article deals with the problem of social and cultural functions of historical science, analyzed in terms of narrative philosophy of history and semiotics. Historical narrative is regarded as «secondary simulative system» in relation to narratives of everyday life.

Key words: social and cultural functions of historical science, narrative philosophy of history, semiotics, narrative substance.